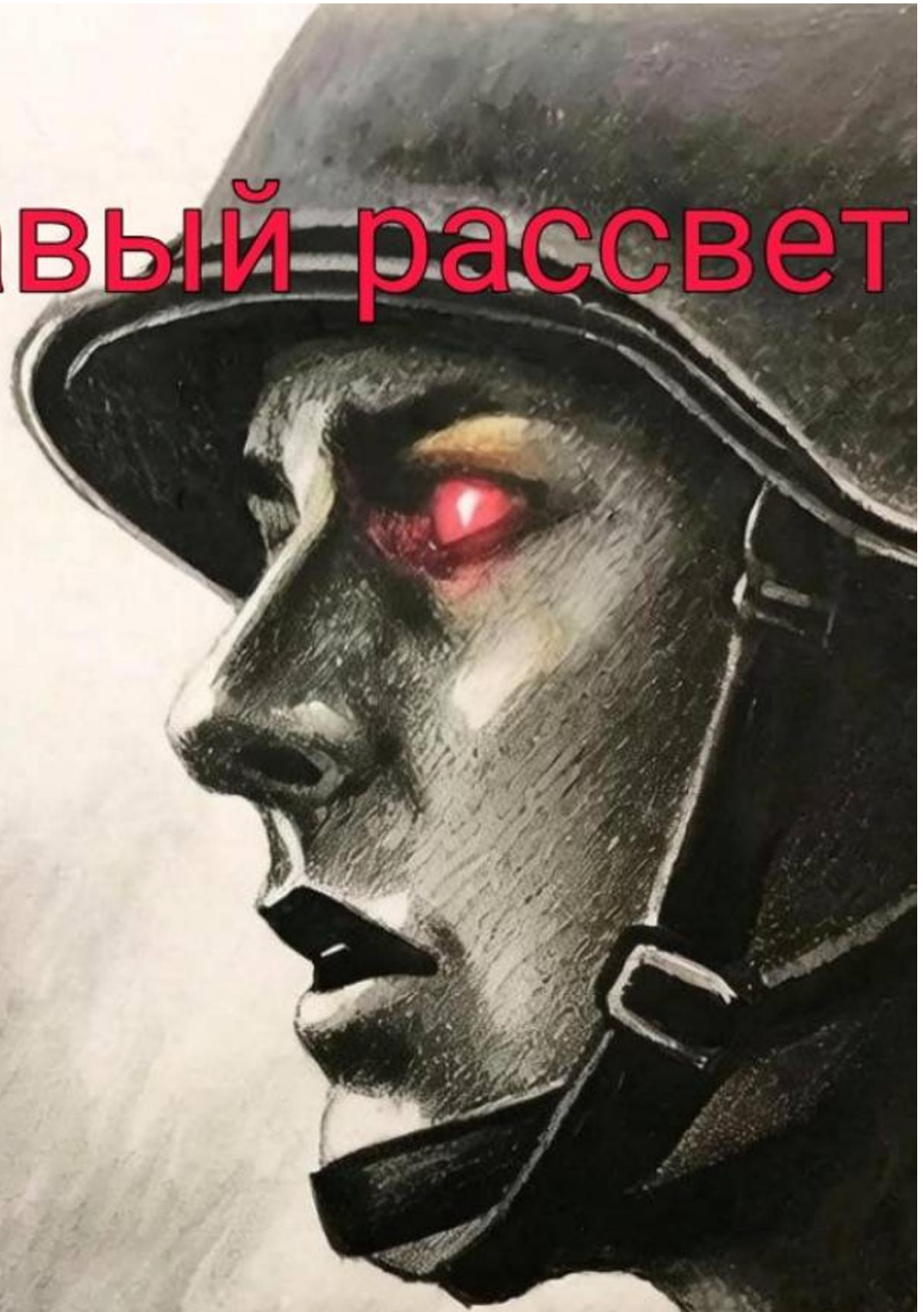

Кровавый рассвет

Бикмаев

18+

Рамиль Бикмаев

Кровавый рассвет

«Автор»

2026

Бикмаев Р.

Кровавый рассвет / Р. Бикмаев — «Автор», 2026

Мир не заметил, как террористы захватили полмира. НАТО и Россия опомнились слишком поздно. Теперь они воюют вместе — против врага, у которого нет столицы, нет командования, нет страха. Три героя. Три судьбы. Одна война, которая не закончится миром. «Кровавый рассвет» — книга о тех, кто выжил. И о тех, кто не успел.

© Бикмаев Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер:	5
Часть первая: "Красный рассвет"	6
Глава 1: "Зачистка".	6
Глава 2. "Выживание в жизни".	7
Глава 3. «Кровь, смерть и искупление»	7
Глава 1. "Пензенская мясорубка"	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Рамиль Бикмаев

Кровавый рассвет

Дисклеймер:

Эта книга — художественный вымысел, но жестокость в ней — настоящая. В тексте присутствуют сцены насилия, гибели людей, употребление алкоголя и курения, а также упоминания наркотиков. Рекомендуются только взрослой аудитории. Все совпадение с реально существующими именами или названиями случайны.

Автор не ставил целью дискредитацию Вооружённых Сил Российской Федерации, иных государственных органов или добровольческих формирований. Сюжет книги строится вокруг идеи защиты мирного населения и борьбы с терроризмом — ценностей, которые в реальной истории неизменно демонстрировали российские военнослужащие. Все персонажи и события вымышлены, любые совпадения случайны.

Эта книга написана под впечатлением от мужества и самоотверженности российских военнослужащих, которые в реальных военных конфликтах защищали мирное население и противостояли терроризму. Все описанные события являются художественным вымыслом, но уважение к их подвигу — настоящее.

Автор подчёркивает: действия террористической группировки «Аль-Кудс» в книге не имеют отношения к исламу и его ценностям. Персонажи-террористы нарушают основы веры и совершают преступления против человечности — это несовместимо с истинными принципами любой религии.

Пролог: «Точка невозврата»

Война разродилась из обычной гражданской войны в Сирии, где террористическая группировка одержала победу. В дальнейшем она захватывала много стран, и НАТО и ООН не реагировали на это сильно — разве что обычными осуждениями и санкциями, что и стало для них большой ошибкой.

НАТО вступила в войну только тогда, когда террористическая группировка во главе с «Аль-Кудс» (название группировки, которая возглавила страну) напала на Турцию и оккупировала её. Образованное ими государство они назвали Арабским Халифатом. Их флаг — чёрный, с надписью: «Хвала Аллаху!». НАТО пыталась много раз пробиться через страны Балканского полуострова, но всё было безуспешно, так как «Аль-Кудс» вела не только пехотную войну, но и партизанскую, что значительно затрудняло наступление для всех сторон.

Когда НАТО наконец осознало масштаб угрозы, было поздно. Балканы горели, проливы были захвачены, а армии «Аль-Кудс» стояли у предгорий Кавказа. Мир платил за свою медлительность тысячами жизней, но счёт ещё только начинался.

Часть первая: "Красный рассвет"

Глава 1: "Зачистка".

...Но все эти решения принимались в кабинетах, далеко от мест, где падают бомбы.

Циала Кварацхелия не слышала заседаний НАТО. Она слышала, как во двор въехал грузовик с чёрным флагом.

-Террористы всех вызвали на центральную улицу и вызывала все семьи по очереди. Они звали семьи по очереди. Некоторых расстреливали сразу — только за то, что крестились. Других отпускали, и они уходили в толпу, не глядя на убитых. Я считала про себя. Пятые, десятые, пятнадцатые. Когда очередь дошла до нас, я перестала дышать.

— Кварацхелии, выйти из толпы.

Голос был чужой, равнодушный, будто вызывали не на смерть, а на обед. Ноги не слушались. Я вышла, держа детей за руки. Муж шёл рядом — спокойно, как на работу. Их было трое. Один, с бородой, кивнул на мужа:

— Сними крест. Растопчи.

Муж посмотрел на него. Потом обернулся к нам, к односельчанам. И сказал громко, чтобы все слышали:

— Уважаемые земляки, не верьте лжи этих проклятых захватчиков. Не поддавайтесь им. Верьте только... Не успел он договорить - его расстреляли.

-После выстрела он перекрестился пока он был ещё в сознании. Медленно, широко, как в церкви. Выстрел был один. Я хотела закричать — но чья-то ладонь зажала мне рот. Сильная, пахнувшая землёй и потом. Кто-то сзади держал меня, не давая упасть, не давая броситься к нему. Дети были в толпе. Они ничего не видели. Я повторяла это про себя, пока ноги не подкосились, и чужие руки уже тащили меня обратно, в безмолвную, притихшую толпу. Я помню как он радовался, как он смеялся рождению наших детей, он говорил:

-Ничего не бойся, все будет хорошо.

-Я правда так думала, до того момента как пришли эти террористы.

Ночью я слышала, как мои дети шепчутся:

«А папа правда приедет?» — спросил младший. Старший долго молчал, потом сказал: «Спи».

Я закусила губу, чтобы не зареветь.

Глава 2. "Выживание в жизни".

После того дня я жила одной мыслью: дети ничего не видели. Я говорила им, что отец ушёл за помощью и скоро вернётся. Они молчали. Мне кажется, они не верили. Построения повторялись каждый день. И каждый день кого-то уводили. Стреляли всегда утром, чтобы остальные весь день работали и боялись. Всех стогнали на поля. Пахали с утра до ночи. Иногда не давали даже воды — приходилось выживать. Кто-то крал еду у соседа. Кто-то тайком рвал виноград. Всё заканчивалось одинаково — расстрелом на следующее утро. Я была тихой. Шёлковой. Делала что скажут, не поднимала глаз. Лишь бы дети были живы. Лишь бы они не увидели, как умирает их мать.....

Все дни были как рутина, все начинались с построения и расстрелов. Этим утром я проснулась не от колокола. В церкви давно не звонили. Я проснулась от крика.

Сначала я подумала, что это снится. Но крик не прекращался. Он шёл со стороны улицы, такой страшный, что у меня похолодели руки. Я подошла к окну, чуть отодвинула занавеску. На площади, там, где раньше продавали овощи, горел костёр. Вокруг стояли люди в чёрном. А в центре — наш сосед, Давид. Я узнала его по рубашке, которую жена ему сшила на прошлой неделе.

Они били его. Пинали ногами. Потом один нагнулся и полоснул ножом. Я не видела куда — я зажмурилась. Но крик стал громче.

Дети мои проснулись. Младший заплакал. Я зажала ему рот рукой, сама не понимая, что делаю. «Тихо, тихо», — шептала я, а сама дрожала так, что зубы стучали. Никто не вышел из домов. Вся деревня слушала, как умирает Давид, и никто не пошевелился. Только жена выскочила — помочь. Но на пороге её срезали очередью пуль. Никому не было дела, что она беременна.

У Давида их четверо. И жена на сносях. Он украл еду со склада, чтобы они не умерли с голоду.

В это же время я увидела, как их ведут. Четверо детей Давида — от мала до велика. Они не плакали, не просили. Просто шли, куда сказали. А потом выстрелы. Быстро. Без криков.

Я так и просидела на полу, обнимая детей, до самого рассвета. А когда взошло солнце, мы пошли на построение, как всегда. Мимо тела Давида, которое так и оставили лежать посреди площади, чтобы все видели. Над его телом издевались на построении. Все отворачивались но террористы заставляли всех смотреть, иначе грозила такая же участь как и у него.

Глава 3. «Кровь, смерть и искупление»

После всех этих событий лица у моих земляков были не живые. У всех пропал страх. Лица все были как будто серые. Одним днём чего я боялась больше всего наступил. У младшего поднялся жар. Он горел, как печка, и бредил. Я сидела рядом и не знала, что делать. В аптеку идти нельзя — спросят, зачем, откуда деньги. Я мочила тряпку в холодной воде и прикладывала к его лбу, а сама шептала: «Господи, только не это, только не его» В следующий день я умоляла террористов дать лекарства или вызвать врача моему сыну. Они отказались и засмеялись так, будто они старались чтобы он заболел. Я хотела кинуть в них камень который был у меня под ногой но забоялась что мой больной сын останется один с старшим сыном который точно не поймет что с ним делать. Такое ощущение что мое желание, кинуть камень услышали террористы и на следующей день провели обыск, и отобрали кучу еды и одежды. К счастью одежду мужа не тронули. После просьбы бога и молитв моему сыну стало лучше.

Одной ночью я увидела, как старик Георгий, что жил через три дома, подошёл к борода-тому и что-то шепнул. Тот кивнул. Я отвернулась — мало ли, может, просил за кого. Тогда я ещё не знала, что он просил не за нас.

И в очередной день когда меня отправили работать в поле меня кто то позвал из кустов. Я подумала что мне послышалось так как я была голодна и истощена. Но зов стал настойчивым:

-Циала! Циала!

-Я перегляделась, и посмотрела что никто не увидел, подошла к кусту и мне кто то передал записку и быстро убежал. Я также быстро встала на свое место. После работы на поле я забыла про эту записку, но перед сном я вспомнила и начала читать.

- "Партизаны провинции Тбилиси. Мы хотим освободить вас, прошу доверять нам. Если есть возможность помогите с провизией."

-Я поверила, и укутала в старое одеяло одежду и спальное белье мужа.

На утро нас опять собрали но на этот раз без расстрелов. Я удивилась. После этого все как обычно шли на поле и меня опять кто то поджидал у кустов. Я передала им записку, в которой я написала:

"У меня есть провизия, прошу вас подойти к 22:00 вечера, чтобы нас не заметила стража".

После работы я направилась спешно домой, и приготовила провизию. Примерно в 22:00 мне постучали в дверь. Я быстро побежала к двери и передала им провизию и сведения о том где находится позиции врага. Я их заметила во время работы на поле и перегруппировку ночью. Я легла спать с радостью, думаю что все будет хорошо. Утром нас собрали, но на этот раз вызвали меня и моих детей.

- Семья Кварацхельевых, выйти из толпы.

- Я вышла, и бородатый террорист начал говорить:

- Эта женщина, нарушала закон, предала нас, предала вашу деревню. Она передала нашим врагам провизию и сведения о наших позициях. Наказание будет такое, ее детей будут отправлены в рабство на опиумные поля в Турцию.

- После этого он кровожадно засмеялся. Я смотрела на него, на его бороду, на чёрный флаг за спиной, и вдруг всё поплыло. Пол ударил в лицо, а потом — темнота. Сколько я пролежала, не знаю. Очнулась от тишины. Площадь была пуста. Только ветер гонял пыль по земле.

После этого я быстро побежала домой и увидела что детей нету. Я очень сильно разревелась и обещала что отомщу этому старому деду. Ночью стала осторожно из окна наблюдать, во сколько и когда он выходит из своей конуры на улицу. Перед роковым днём, я достала из-под половицы его крест. Тот самый, что он не снял. Его отдали мне потом, после расстрела — бросили в пыль, а я подобрала. Я держала его в руке и вспоминала, как он смеялся, как брал детей на руки, как говорил: "Ничего не бойся". Я боялась. Но крест грел ладонь». Одной ночью я подкараулила его и сказала

"Ну что ты, паразит. Что ты сделал со всей деревней, что ты сделал с моей семьёй. Ты заслужишь наказание пердун старый!"

И я перерезала ему горло. Я знала что со мной будет и не жалела. Утром дверь слетела с петель. Они ворвались, схватили меня и потащили. Я не кричала — не было сил. Только оглянулась на пустой угол, где вчера лежал узелок с вещами мужа. А потом — темнота и гул мотора. Куда? Зачем? Я не знала. И уже никогда наверное не узнаю....

Часть вторая. «По ту сторону конфликта

»

Глава 1. "Пензенская мясорубка"

Старший сержант Соколов. Командир отделения. Пензенская область, посёлок... да уже какая разница. Все эти посёлки теперь одинаковые — воронки, сгоревшие дома и трупы. Наши и не наши. Хрен разберёшь.

Каждые попытки контратаки заканчиваются одним. Возвращаются единицы захватил хоть дом. Или же возвращался никто. Чаще всего происходило второе....

Одним таким же хреновым днём мне по рации позвонил комбат:

— Здравия желаю, товарищ сержант. Когда вы захватите этот грёбанный посёлок?

Я, не подумав, ляпнул:

— Здравия желаю, товарищ комбат. Пока не будет подкрепления, мы будем захватывать по одному дому, теряя людей. Если отправляем десять человек на улицу — возвращаются один-два, если вообще захватим. А если не захватим — не возвращается никто.

Комбат помолчал.

— Так сколько ж вам людей надо?

Я выдохнул:

— Да сколько не жалко, товарищ комбат.

В рации стало тихо.

Я ожидал людей, день два. Я пока не отправлял людей на штурмы, копил людей для захвата стратегической точки чтобы захватить посёлок Камыш. Гадкое село, болота, холмы куча деревьев. Техника не проезжает. Да куда там техника, техника уже большая редкость. Если и заедет то сразу сгорит.

Через неделю после того разговора комбат позвонил снова:

— Здравия желаю, товарищ сержант. Завтра ждите подкрепление — сто человек и БМП.

Я даже не сразу нашёлся, что ответить. Сто человек и БМП — это серьёзно. Если захватим Камыш, откроется плацдарм на весь Городищенский район. А там и до райцентра рукой подать — там пока тихо.

— Здравия желаю, товарищ комбат. Чрезмерно благодарен.

Я положил трубку и закурил. Впервые за долгое время захотелось верить, что всё получится.

Прибыло подкрепление. Вместе с ним и комбат. Пока не знаю зачем. Он зашёл в блиндаж и начал говорить:

-Здравия желаю товарищ сержант, давайте обсудим план как будем действовать".

-Ну мы подошли к карте и начали говорить

"Лучше подойти с севера, с востока стоит дорога, ее постоянно обстреливали террористы" сказал я. И вроде бы комбат согласился но сказал важное.

-На штурм вместе с солдатами поедешь и ты."

-А как же вы товарищ комбат?" Ничего не ответив он развернулся и ушел.

После этого я собрал всех людей и начал говорить:

"Здравия желаю товарищи не знаю какое у вас звание, солдаты. Все вы понимаете что вернётесь не все но каждая выстрелянная ваша пуля в сторону врага это приближения к победе. Желаю удачи, и чтобы вернулись все. Сейчас собирайте все самое необходимое и проверьте боезапас, при надобности перезарядите и пополните магазины патронами".

Я и сам начал собираться и делать всё, что сам себе сказал. На утро мы выдвинулись. БМП отправилась с нами, но чуть впереди. Спустя час ходьбы мы дошли, и на нас обрушился шквал миномётов. Все легли. Выжили, к счастью, все. Но многие были ранены. Мы вошли в посёлок. На нас полетел шквал пуль. К счастью, у Камыша много холмов. Мы смогли укрыться.

После этого начали звучать взрывы. Они начали нас обстреливать. Один солдат, не выдержав этого, начал убегать, но не успел. Его застрелили — то ли кто-то из наших, то ли террористы.

После того как миномётные обстрелы утихли, к нам подъехала наша БМП. Она прикрывала нас, пока мы наступали, но почти сразу же её подпалили. Она нам серьёзно помогла. Мы забежали в какой-то двор, и началась перестрелка. С каждых углов доносились выстрелы. В этом дворе многие погибли.

Зайдя в дом, я потребовал по радиации обстрелять оставшиеся укрепления врага. Связь была плохая — из-за системы РЭБ врага. Я отчаялся. Террористы начали контратаковать. Мы уже заняли позиции во дворе и стали отражать атаку. Спустя где-то полчаса начался обстрел... вражеских позиций. После обстрела мы аккуратно вышли из двора. Некоторые террористы выжили, но мы их добились.

После всей этой битвы я сел на землю. Закурил сигарету и начал считать выживших. Десять... двадцать... на двадцать первом я остановился. Десять человек остались живыми без ранений. Остальные были ранены.

Об этом я доложил комбату:

— Товарищ комбат, спустя месяц боёв за посёлок он был успешно взят! В общем, потери за данный посёлок составили примерно сто сорок три солдата и пятьдесят четыре мирных жителя. Суммарно — сто девяносто семь.

— Я очень рад, товарищ сержант. Мне пришёл приказ перенаправить вас с наступления на Шемышейку на освобождение Городище. Подкрепление будет предоставлено.

— После этого в радиации слышалась тишина, после этого я запросил эвакуацию и нас отправили в штаб в Мордовском Ишиме. Где начнется бой за Городище. Вплотную мы ещё не подошли, враг очень хорошо окопался в полях рядом с городом. Мост через Ишим взорвали. Без него к Городищу не подобраться — объезд только через Шемышейку, а там террористы. Вызвали стройбат. Сказали, за неделю управятся, если не накроют миномётами. А пока стоим в Мордовском Ишиме, ждём.

После приезда в деревню ко мне подошёл старожил. Я спросил у него:

— Здравствуйте, а где все жители?

Он ответил, вытирая слезу:

— Здравствуй... А никого не осталось. До войны здесь жило около трёхсот человек. После оккупации осталось человек 10–15. Всех расстреляли или угнали на опиумные поля. А когда победа-то будет, товарищ сержант?

Я помолчал. Потом сказал:

— Не скоро, но будет. Верьте в неё, и она в вас поверит. Нас отвели в блиндаж. Все начали раскладывать вещи. Многие встали и не идут с порога — после той ужасной битвы. Я им сказал:

— Товарищи бойцы! Это только начало. Привыкайте. Хотя нет — не привыкните. Я сам уже четыре года на войне и никак не могу привыкнуть.

В них это вселило ещё больше ужаса, но они отошли от порога и тоже начали раскладывать вещи. Я вышел на улицу покурить и вижу: к нам подъезжает солидная армия. Не знаю сколько человек, но человек сто есть. С ними два танка и один БМП.

Ко мне вышел комбат и сказал:

— Здравия желаю, товарищ сержант. Вы и ваши солдаты будете награждены медалью за мужество. Вот ваше подкрепление: четыреста солдат, один БМП и два Т-14. Провизия будет поставляться. Патроны в грузовике, который в конце колонны. Удачи вам и вашим бойцам, сержант!

— Здравия желаю, товарищ комбат. Я очень сильно благодарен вам. И вам тоже удачи.

Я улыбнулся и начал построение всех солдат:

— Здравия желаю, товарищи бойцы! Вы будете участвовать в ключевой битве за Городищенский район. Освободим районный центр — откроется путь к Шемышейке. А там уже и до освобождения области рукой подать. Вы все герои, даже если умрёте на подходе. Героями стали уже здесь. Вы не побоялись идти на войну. Не трусили и не сбежали. После этого все пошли по блиндажа и домам которые пустовали. На следующее утро ко мне подошёл командир стройбата.

-Здравия желаю товарищ сержант! Если не будет обстрела, то через пару дней мост будет готов.

-Здравия желаю товарищ командир. Я очень рад. Будем пока готовиться. Он ушёл. Я приказал своим бойцам готовиться к битве. На следующее утро я проснулся не от будильника, а от обстрела. Я сразу же вздрогнул, а после обстрела начал расспрашивать о потерях. Почти все выжили, кроме стройбата. Мост повредили окончательно. По радиции я сообщил об этом комбату. Он сказал, что направит ещё один отряд стройбата. Но я думаю, это затянется где-то на месяц — с учётом ремонта и всего остального. Я отправлял разведгруппы, чтобы узнать, где находятся позиции врага и провести по ним обстрел. Все, к счастью, возвращались... кроме одного дня.

Перед порогом блиндажа лежал мешок. Внутри него были куски людей и записка: «Это твои бойцы, товарищ сержант. Не совершай глупости и не отправляй своих разведчиков». После этого я вывел всех гражданских из деревни — чтобы убедиться, что они не вражеские разведчики.

Все это я сообщил комбату. Он ничего не сказав кроме:

-Я пришлю тебе отряд. Не думай больше об этом.

-И положил трубку. Этот момент долго у меня не выходил из головы. Спустя неделю поисков я его нашёл. Он сказал откуда он пришел и где находятся его позиции. Я само собой расстрелял их с градов. Потом мы его мучительно пытали и от пыток он умер. Мы его повесили по середине улицы как позор мира.

После всего этого ужаса комбат сказал мне по радиции:

— Товарищ сержант, срочно ответьте.

Ну я ответил:

— Что случилось, товарищ комбат?

— В вашу сторону выехала большая группа солдат. Человек сто, не меньше. Один танк и пара БМП. Численность вашей техники они, скорее всего, не знают. Вы уже окопались в этом районе?

— Да, товарищ комбат!

— Это хорошо. Готовьтесь к обороне. В вашу сторону я отправил истребители для поддержки. «Грады» вывезите из деревни.

— Так точно, товарищ комбат.

После этого разговора я спешно собрал всех в строй и приказал занять позиции в окопах. Танки укрыли, чтобы их не сразу заметили. Спустя пару часов в бинокль я вижу: примерно в километре от позиций едет колонна врага. Солдат куча. Я приказал обстрелять колонну из «Градов». Много солдат погибло, но техника уцелела. После этого враг обрушил на наши позиции ответный град. Обстрел был сильный. Раненых много, но все выжили. Стройбат, к счастью, тоже уцелел. К этому времени подлетели истребители и добились колонну.

Спустя месяц после этих событий ничего особого не происходило. Ну как ничего особого. Почти каждый день длились обстрелы. Они были какими-то вялыми. Никто не умирал. Наверное, просто хотели навести страх перед финальным боем, чтобы солдаты дезертировали. Никто этого не делал, потому что все понимали: если они это сделают, то будут наравне с этими паразитами. За этот месяц мост наконец достроили, оклемались и раненые.

Мне поступил приказ о том, что нужно выдвигаться. Для наступления привезли ещё больше техники и людей. Армия выросла до тысячи человек, пяти танков Т-14 и десяти БМП. Со мной был ещё один отряд под командованием майора Воробьева. Перед самым выездом, в блиндаже, мы обсудили план. Он был похож на штурм Камыша: с востока наступать нельзя — там дорога, сразу обстреляют. Мы решили так:

— Товарищ майор, я предлагаю отправить танки на восток, чтобы они привлекли внимание, а БМП — на север города, чтобы захватить ключевые районы. Город небольшой, думаю, если потери будут как в Камыше, управимся за неделю, может, чуть больше.

— Товарищ сержант, я с вами согласен. Поехали.

Техника поехала первой: кто-то сел на БМП, кто-то пошёл пешком. Враг нас не ждал — позиции на полях были давно уничтожены нашими «Градами». Колонну не обстреляли. Мы вошли в город и заняли примерно 10–20 квадратных километров. Потери оказались минимальными. Техника уничтожила позиции врага в центре, и мы туда выдвинулись. Большая часть города была захвачена за этот день. Потерь — примерно 10–15 человек, большинство ранены. Оставшуюся часть города террористы покинули в спешке — из-за страха умереть. Интересные люди: убивать мирных жителей они могут, а за себя постоять — нет. Ну на то они и террористы. В общем, мирных жителей осталось так же мало. Население города составляло чуть меньше десяти тысяч, осталось всего 100–200 человек. Все рассказывали, что их судьба такая же, как и в других населённых пунктах. Но все были рады нашему приезду.

Ну всё, ключевой город за нами. Трасса из Городища ведёт к следующему ключевому городу — Кузнецку. Город крупный, размером с областной центр. Захватить его будет тяжело, оборона на подступах ожидается очень плотной. Разведка предполагает, что враг выделил на оборону города 10–20 тысяч солдат.

Я доложил это комбату:

— Здравия желаю, товарищ комбат. Районный центр, город Городище, был освобождён за два дня. Потери составили пять погибших, десять раненых. Большая часть мирного населения при оккупации города погибла или увезена в рабство.

— Здравия желаю, товарищ сержант. Очень рад. Подкрепление, как я понял, не нужно. Вы будете направлены в другой сектор.

— Так точно, товарищ комбат. После этого, наш взвод наградили орденами. Комбат мне сказал что пока, мы будем резервным отрядом для освобождения Пензенской области. Скорее всего с резерва снимет когда войска освободят Кузнецк.

Мы отправились в штаб в районе Городища. Мы находились внутри города. Все ожидали и боялись, что основные силы проиграют сражение и погибнут почти все. Нам приходили приказы обстреливать те или иные позиции. Особенно боялся тот солдат, который в прошлый раз не мог зайти в блиндаж. Я почему-то думал, что он может дезертировать. Но это вряд ли — я уже объяснял почему.

Мы слышали выстрелы. Бой идёт очень тяжёлый. На небе воздушная битва — между нашим истребителем и самолётом врага. Наш истребитель хоть и уничтожил врага, но катапультировался. По радиации нам доложили: направить все танки, которые у нас есть. Грядёт танковая битва.

Слышны взрывы, вроде даже слышен крик. Наверное, это мне послышалось. Битва-то ведь за пять километров от города. Танковая битва была проиграна. Но враг потерял много крови и не мог наступать. Пехотная битва тоже на исходе — скорее всего, поражение. Оставшаяся вражеская техника может направиться к пехоте и разгромить её. Я попросил по радиации комбата, чтобы он направил истребители — добить их.

Выйдя из штаба, я заметил, что со стороны Пензы летит много истребителей. Я очень обрадовался, даже начал смеяться. По радиации мне комбат сказал, что будет уничтожен почти весь Кузнецк и прилегающие территории, чтобы было меньше потерь.

Отправляя дрон-разведчик, я увидел результат этих бомбардировок. Лежат не просто трупы — мясо. Кровь и мясо. Город почти весь в руинах. Также я заметил, что лежат трупы мирных жителей. Война никого не щадит. Мы хоть и попадаем по мирным, но не расстреливаем их в упор.

Нас отправили входить в Кузнецк. Мы вошли. Были мелкие перестрелки, но никто не погиб. Мы нашли просто море погибших. В том числе и мирняк. От города ничего не осталось.

Ключевая битва за Пензенскую область окончена. Осталось освободить остальное — там меньше населённых пунктов, кругом леса. Но, как мы все знаем, эти гады ведут частые засады. По моим подсчётам, битва за Пензенскую область может продлиться около месяца.

После всего этого я стал ещё больше подавлен. До всей этой битвы за Пензу я не видел такой мясорубки.

Мой взвод отправили зачистить леса, которые вели к Шемышейке. Довольно крупный город, крупнее Городища. Я собрал всех солдат — для этой операции нам выделили сто человек. Майора Воробьева направили оборонять Пензу. Говорят, туда прорвались стадо этих баранов. Битва там тяжёлая.

Я поставил всех солдат в строй:

— Здравия желаю, товарищи бойцы! Оставшаяся задача, которая у нас осталась в этой области, — зачистить леса, ведущие к новому ключевому городу. Я понимаю, многие из вас не вернутся, но я в вас верю и надеюсь, что исход будет таким же, как в Городище.

Мы выехали, подъехали ближе к территории и пошли на своих двоих. Нас начали обстреливать. Я приказал своим солдатам добежать до позиций врага. Это было колоссальной ошибкой. Там оказалось минное поле. Погибли почти все, а меня взяли в плен.

— Товарищ сержант, я же тебе говорил. Не отправляй своих бойцов. Мне светили фонариком в лицо, и я не понимал, кто со мной говорит. Человек говорит без акцента — явно предатель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.